

№ 40.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

ЮНЬ.

Трофеи англо-индѣйской кавалеріи.

На 1 годъ

4 руб.

на сенсационный, литературно-художественный

□ роскошно-иллюстрированный въ краскахъ □

... ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ...

На 1/2 года

2 руб.

20-й ВЪКЪ

(пятый годъ изданія)

Каждый номеръ, **СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.**
до конца войны,

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА существованія—„20-й ВЪКЪ“ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по количеству тиража въ русской періодической печати.

180.000 экземпляровъ въ недѣлю—лучшее доказательство необычайнаго успѣха журнала у русской читающей публики.

Каждый № „20-го ВЪКЪ“ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные рассказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Рассказы-корреспонденции съ театра войны.—Разоблаченія военнаго шпіонажа неприятельскихъ странъ—Кошмары войны.—Война въ воздухѣ.—Война подъ водой.—Наши

герои.—Военно-историческій альбомъ.—Шрапнель (курьезы войны).—Веселыя мины.—Художественное воспроизведеніе рисунковъ.—Всѣ рисунки ясны и отчетливы.—Картины и рисунки на военные темы.—Вооруженіе друзей и враговъ.—Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: На 1 годъ 4 руб.; на полъ-года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р.

Деньги адресовать въ контору журнала „20-й ВЪКЪ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Розничная продажа, по 6 коп. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пароходн. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ иллюстрированный худож.-литерат.

ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ“.

Въ журналѣ печатаются злободневные „военные“ фельетоны и рассказы легкаго жанра лучшихъ иностран. авторовъ, изъ послѣднихъ №№ французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и польскихъ юмористическихъ изданій.

Особенное вниманіе обращено на художественную сторону изданія.

Не менѣе 30 рис. и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 50 к.

Розничная продажа №№ журнала производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинціи, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 10 к. за номеръ. Деньги и письма адресовать въ главную контору журнала „Всемирный Юморъ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА

„ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА“.

ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНЫ

КАЖДЫЙ НОМЕРЪ СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ. Не менѣе 30 рисунковъ и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ, въ многокрасочныхъ обложкахъ. Безпощадная борьба съ нашими врагами, при помощи ядовитаго смѣха—вотъ задача журнала въ 1915 г. Журналъ гордится тѣмъ, что уже испортилъ много крови кайзеру Вильгельму и Францъ-Иосифу, которые уже дали обѣщанія разстрѣлять редактора и всѣхъ сотрудниковъ... когда въ полѣ ракъ свистнеть.

Въ 1915 г. въ журналѣ „Попрыгунья-Стрекоза“ по прежнему принимаютъ участіе слѣдующіе извѣстные русскіе юмористы:

Сэръ Пичъ-Брэнди.—Евгеній Вѣнскій.—Евгеній Сно (Ясновидящій).—Наль.—И. Герсонъ (Зрячій).—Сергѣй Михѣевъ.—Вегеновъ.—Н. Агнiewiczъ.—Вильгельмъ Теткинъ.—Амадисъ Гальскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: На 12 мѣс. 4 руб.; на 6 мѣс. 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб. Деньги адресов. журналу „Попрыгунья-Стрекоза“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, по 7 к. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на парох. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей России:

на годъ . 4 р. — к.
1/2 года 2 „ — „
1 мѣс. — 30 .

Перем. адреса 25 к.
Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Тарифъ объявлений:

За стро у, непара-
рели въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. стр.)

впер. текста . 90 к.

позади „ 60 .

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 40—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Июнь. =

СКРИПАЧЪ.

Эпизодъ изъ франко-прусской войны.

Сади скрипачъ, державшій подъ рукой небольшой черный ящикъ, тщательно запиралъ на замокъ двери своей мансарды. Это было въ ночь на понедѣльникъ, 21 сентября 1870 г. Вотъ уже двадцать часовъ, какъ Сади ничего не ѣлъ и хотя онъ прекрасно понималъ, что въ Страсбургѣ мало найдется съѣстного, онъ все же рѣшилъ выйти и поискать чего-нибудь.

Сегодня наступила тридцать вторая ночь съ тѣхъ поръ, какъ ненавидимые пруссаки окружили городъ, подобно стаямъ саранчи. Не проходило почти минуты ни днемъ, ни ночью, чтобы пушки не гремѣли и ядра не разрушали чего-нибудь на улицахъ старого, великолѣпнаго Страсбурга.

Даже и теперь, когда скрипачъ вышелъ изъ дому, огромная граната, пущенная съ сѣверо-западной батареи, свистя и вздыхая, пронеслась надъ нимъ и съ трескомъ разорвалась надъ крышей дома, сосѣдняго съ его собственнымъ.

— «Зажигательная граната», — подумалъ Сади, и пламя, показавшееся въ ту же минуту на крышѣ, подтвердило, что онъ былъ правъ.

Онъ зналъ, что каково бы ни было его жалкое имущество, оно будетъ скоро поглощено потоками дыма и огня; старикъ глубоко вздохнулъ, вспомнивъ о портретѣ, за который онъ готовъ былъ дать Богъ знаетъ что, только бы спасти его.

Онъ сожалѣлъ теперь, что не взялъ его съ собою. Стоя на узкомъ тротуарѣ въ то время, какъ языки пламени лизали окно его мансарды, онъ вспоминалъ тотъ день, когда Люси, дочь Люденмейра, артиста изъ Бадъ-Наугейма, дала ему свой портретъ, написавъ въ одномъ углу; «въ знакъ благодарности».

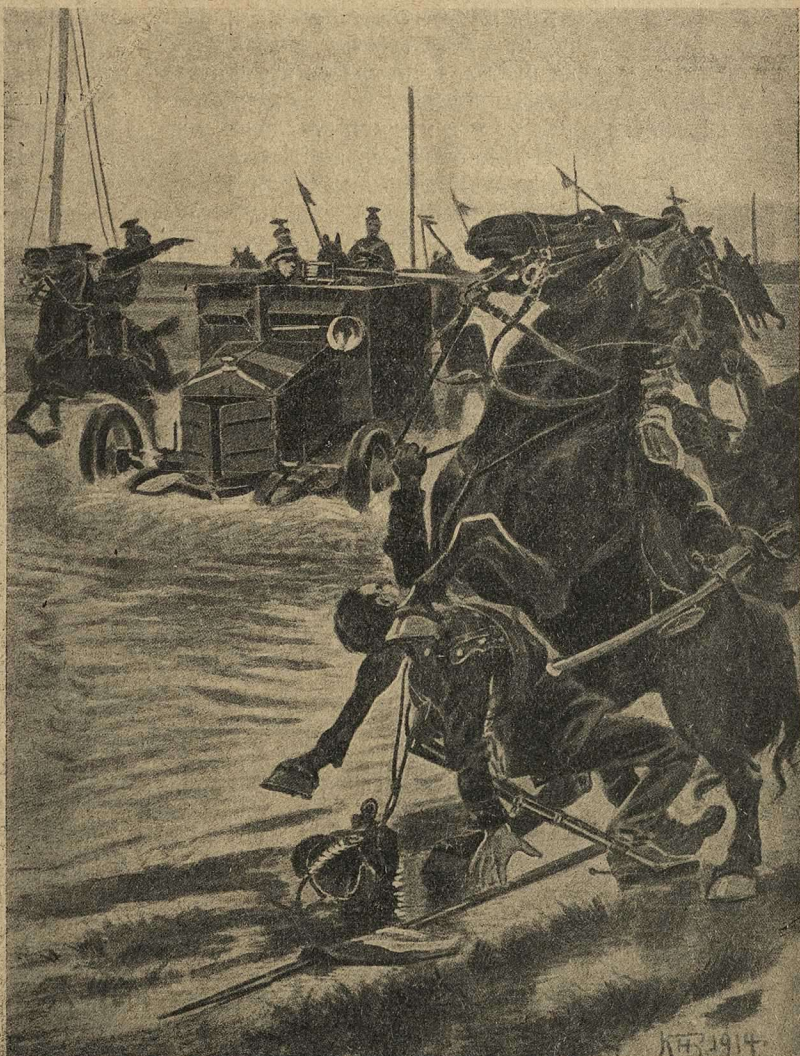
— Мы никогда не вернемся въ Страсбургъ, никогда не встрѣтимся больше, дорогой другъ! — сказала она ему на прощанье. Онъ зналъ, что это правда, и глаза его затуманились, когда онъ повернулся въ

сторону отъ горѣвшаго дома и направился дальше по ужаснымъ улицамъ.

Мало кто встрѣчался ему на пути, потому что на улицу было опасно выходить, такъ какъ надъ ними все время летали гранаты, посылаемые въ городъ пруссаками.

Сади привыкъ къ ужаснымъ взрывамъ и свистамъ, сопровождающимъ осаду города, и они не пугали его больше.

Сади-скрипачъ былъ глухъ къ плачу и крикамъ,

Стычка итальянскаго бронированнаго автомобиля съ разѣздомъ австрійскихъ улановъ.

раздававшимся среди горящих домовъ, а на предостережение солдата, что онъ идетъ въ самый центръ огня, онъ отвѣтилъ короткимъ «благодарю».

— Можешь сыграть мнѣ пѣсню, старина! — сказали солдаты.

Сади отвѣчалъ:

— Зачѣмъ, другъ мой, когда дома и безъ того танцуютъ?

Да! Дома танцовали, и безумная музыка пушекъ звучала еще ужаснѣе, когда Сади приблизился къ укрѣпленіямъ.

Темный, задній фонъ неба ежеминутно прорѣзывался линіей огня, указывающей направленіе зажигательной гранаты, которая неслась надъ городомъ, падая на домъ, или на церковь, или на цитадель. Земля кругомъ представляла обширное пространство всякаго мусора и обломковъ, пустыню развалинъ.

Сади не зналъ, собственно, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и не надѣялся добыть здѣсь хлѣба; когда же онъ наткнулся на зіяющій подвалъ, ему пришло вдругъ въ голову, что жители должны были покинуть этотъ домъ впопыхахъ, а потому оставили навѣрное здѣсь всѣ запасы бывшей у нихъ провизіи.

Мысль о возможности утолить мучившій его голодъ заставила его спуститься въ погребъ, какъ школьника, ищущаго приключеній.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и силою, присутствія которой онъ даже не подозрѣвалъ у себя, прокладывая путь среди щебня, перебирался черезъ балки, спускаясь подъ своды подвала. Онъ походилъ на скупца, отыскивая свое золото, и когда наконецъ опустился до такого мѣста, гдѣ могъ выпрямиться во весь ростъ, испытывалъ такую же радость, какъ изслѣдователь, открывшій неизвѣстный городъ.

Восторгъ его, къ несчастью, длился не болѣе минуты. Сади только что подумалъ, какой, собственно говоря, онъ счастливый малый, когда чья-то огромная рука,

вынырнувшая откуда-то изъ темноты, схватила его вдругъ за горло, и яркій свѣтъ фонаря ослѣпилъ ему глаза.

— Эй ты, гробокопатель, — крикнулъ голосъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, — что тутъ дѣлаешь?

Это былъ нѣмецъ — нельзя было сомнѣваться въ этомъ. Настоящій великанъ, вѣроятно, пруссакъ съ сѣвера; на немъ былъ мундиръ французскаго егерскаго полка, до смѣшного малый для него.

Одаренный отъ природы большой сообразительностью, Сади сразу догадался, чѣмъ занимался этотъ громадный малый. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прусскихъ шпионовъ, которые весьма ловко пробирались въ Страсбургъ и уходили изъ него. Это пустынное мѣсто города служило имъ вѣрнымъ убѣжищемъ, гдѣ они въ полной безопасности выжидали удобнаго случая вернуться обратно къ своимъ, скрываясь тамъ точно мыши въ своемъ логовѣ.

Сади стоялъ неподвижно, какъ статуя, несмотря на то, что лобъ его покрылся крупными каплями пота.

— Безъ глупостей! — громко крикнулъ пруссакъ. — Будь честенъ со мною... что ты здѣсь дѣлалъ? Даю тебѣ полминуты на объясненіе.

Сади задыхался отъ волненія, но отвѣчалъ сравнительно спокойнымъ голосомъ:

— Вотъ уже двадцать часовъ, какъ я ничего не ѣлъ, и пришелъ поискать здѣсь чего-нибудь съѣстнаго...

Пруссакъ перебилъ его съ грубымъ смѣхомъ:

— Ты питался, надо полагать, червями, мѣшокъ ты съ костями... Ну, полно, время уходитъ, и пальцы мои горятъ отъ нетерпѣнія. Дуракъ ты, если не хочешь быть откровеннымъ со мною!

Онъ медленно поднялъ револьверъ и приложилъ холодное дуло его ко лбу Сади.

Сади задрожалъ всѣмъ тѣломъ, прижалъ руку къ сердцу, но не могъ произнести ни единого слова.

Пруссакъ съ насмѣшливымъ выраженіемъ сталъ считать:

— «Разъ, два, три,—говорилъ онъ,— «я, каналья ты эдакая, просчитаю до десяти»,—и онъ началъ снова.

Онъ произнесъ уже «пять», когда чей-то голосъ заставилъ его обернуться назадъ и отдать честь по правиламъ воинскаго устава.

— Ахъ, господинъ поручикъ, тутъ есть дѣло для васъ:—Я нашелъ эту крысу здѣсь, въ этой дырѣ. Посмотрите вотъ на него и рѣшите, къ какому сорту принадлежитъ этотъ мошенникъ.

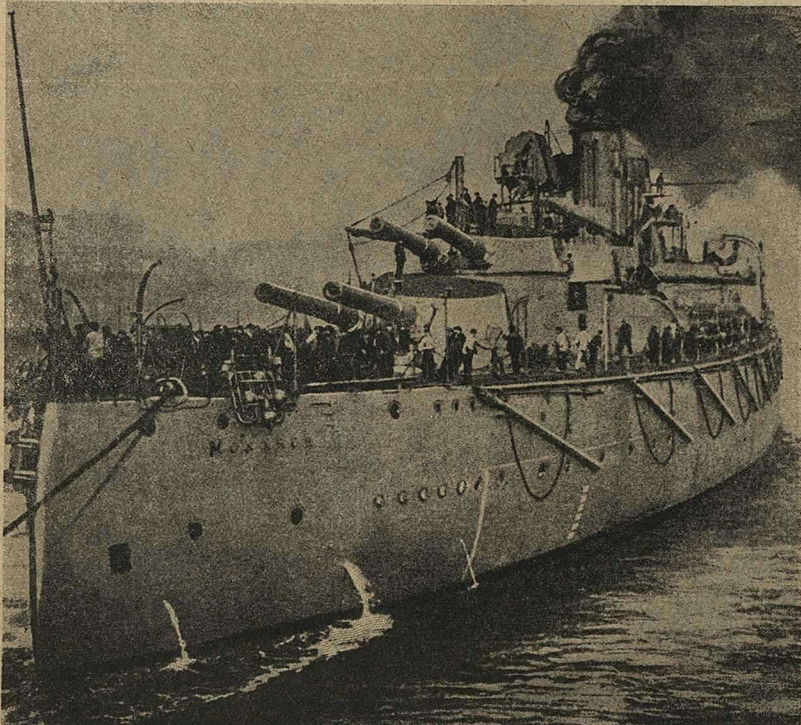
Вновь пришедшій былъ совсѣмъ еще молодой, красивый нѣмецъ не болѣе двадцати лѣтъ. На немъ былъ также французскій мундиръ.

Дыханіе Сади ускорилось—и онъ смѣло обратился къ юношѣ:

— Господинъ поручикъ, ничего подобнаго здѣсь нѣтъ; я бѣдный скрипачъ, мансарду котораго люди ваши только что сожгли.

— Вы скрипачъ. Чѣмъ докажете вы это?

— Своей скрипкой, — отвѣчалъ Сади почти веселымъ тономъ.—Вы найдете ее тамъ, наверху лѣстницы.

Итальянское военное судно.

Батальная живопись прошлого. Типъ батальной картины, изображающей сраженіе.

— Поди и посмотри, — сказалъ офицеръ солдату; — до разсвѣта у насъ достаточно еще времени, чтобы расправиться съ нимъ. Капитанъ, къ тому же, очень любитъ музыку.

Солдатъ вышелъ изъ подвала, а поручикъ остался внизу и, покуривая сигару, съ насмѣшливой улыбкой поглядывалъ на Сади.

— Плохи ваши дѣла, не правда-ли?—спросилъ онъ.

— Такъ плохи, что я умираю отъ голода, — просто отвѣчалъ ему Сади.

— Ага? И вы надѣялись найти себѣ ужинъ среди кучь мусора... какъ и подобаетъ скрипачу?

— Вотъ уже три года хожу я каждый вечеръ къ укрѣпленіямъ и обратно, — отвѣчалъ Сади со всею сдержанностью, какая еще оставалась у него. — Привычка тянетъ меня туда... да и кому вредить это?!

— Капитанъ все объяснитъ вамъ... Я не хочу обнадеживать васъ, старина!.. Онъ прикажетъ разстрѣлять васъ. Что касается меня, я человѣкъ очень чувствительный и предпочитаю живыя тѣла мертвымъ.

Собственный юморъ, видимо, забавлялъ офицера, и онъ продолжалъ:

— Можетъ быть, вы не желаете читать вашихъ молитвъ? Другіе люди дѣлаютъ это вообще, когда французы играютъ на скрипкѣ. А вотъ и скрипка ваша... поиграемъ вмѣстѣ.

Солдатъ вернулся въ это время, неся съ собой ящикъ въ черномъ кожаномъ футлярѣ.

Когда поручикъ грубо схватилъ его, Сади показало, что кто-то нанесъ ему ударъ сзади.

— Осторожнѣе, ради самого Бога, — крикнулъ онъ. — Знаете-ли вы, что скрипка моя стоитъ пять тысячъ франковъ?

— Для насъ она стоитъ, быть можетъ, еще больше, — отвѣчалъ поручикъ. — Капитанъ самъ прослушаетъ вашу музыку, Сюда, пожалуйста, и берегите вашу драгоценную голову, если вы не предпочитаете пистолеты.

Поручикъ толкалъ Сади къ дверямъ въ глубинѣ подвала, гдѣ нѣсколько ступенекъ спускались внизъ и вели во второй подвалъ, болѣе обширный и не такъ загроможденный обломками.

Здѣсь на простомъ, грубомъ столѣ горѣли свѣчи, а въ сторонѣ отъ него топили очагъ и нѣсколько фигуръ

двигалось вокругъ котла, изъ котораго разносился очень вкусный, аппетитный запахъ.

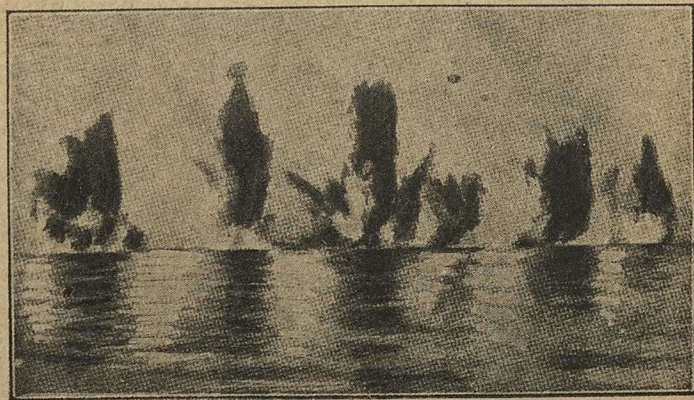
Сади сразу замѣтилъ, что попалъ въ самое гнѣздо пруссаковъ. Онъ не сомнѣвался, что здѣсь находились люди, которые съ самаго начала осады приносили въ свой лагерь разныя новости изъ Страсбурга; громкія восклицанія, когда дверь открылась при его появленіи, обмѣнъ сигналовъ съ разныхъ сторонъ, все приводило его къ этому заключенію.

Солдатъ толкнулъ Сади къ очагу, и тотчасъ же къ нему со всѣхъ сторонъ потянулись грубые, враждебныя лица, а нѣкоторыя подносили къ нему свѣчу, чтобы лучше рассмотреть его. На вопросы: — «Кого вы привели сюда; что это еще за птица?» — поручикъ отвѣчалъ: — долженъ видѣть капитана, разбудите его, пожалуйста».

Въ тотъ томительный промежутокъ, когда кто-то подошелъ къ спящей фигурѣ въ отдаленномъ концѣ подвала, чтобы разбудить ее, къ Сади подошелъ человѣкъ, стоявшій у котла, и повидимому, довольно участливо спросилъ его, не голоденъ-ли онъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ набралъ полную ложку супу и съ злораднымъ смѣхомъ вылилъ его на руку плѣнника. Сади-скрипачъ громко вскрикнулъ отъ неожиданности и жестокой боли.

Прежде чѣмъ поваръ, стоявшій у котла, успѣлъ повторить свою дикую продѣлку, къ нимъ подошелъ до-

Взрывы миннаго загражденія въ Дарданеллахъ.

Венеціанцы наблюдають первый австрійскій аэропланъ, появившійся надъ городомъ.

родный человекъ, спавшій передъ этимъ въ альковѣ, и ударомъ по уху оттолкнулъ того въ сторону.

— Кто это по вашему, сержантъ? — спросилъ вновь пришедшій.

— Шпіонъ съ укрѣпленій. Я во-время захватилъ его, господинъ капитанъ, — отвѣчалъ солдатъ-великанъ.

— Но это не шпіонъ... Это Сади-скрипачъ.

Сади громко вскрикнулъ отъ радости.

— Люденмейеръ! Вы, мой другъ! — воскликнулъ онъ.

— Сади! Старый Сади-скрипачъ! Невозможно!

— Очень даже возможно... Старый Сади, какъ вы говорите, и до того голодный, что готовъ ѣсть обглоданные кости съ вашихъ тарелокъ.

— Тогда онъ поужинаетъ съ нами. Голодный человекъ становится другомъ даже чуждой ему компаніи. Скорѣе, сержантъ, налейте нашему другу кружку супу!

— Эй, Сади! Вы не откажетесь съѣсть кружку супу? Позвольте намъ посмотрѣть, какъ вы приметесь за него. О старыхъ друзьяхъ мы поговоримъ потомъ.

Среди людей, сидѣвшихъ за столомъ, послышался ропотъ, но сержантъ слѣпо повиновался данному приказанію, и передъ удивленнымъ Сади очутилась кружка горячаго супу.

Люденмейеръ, обрадованный тѣмъ, что встрѣтилъ стараго знакомаго, спѣшилъ увѣрить остальныхъ, что имъ нечего бояться Сади. Услыша послѣднія слова, Сади положилъ на мѣсто ложку и сказалъ своему другу:

— Не совѣмъ такъ... Будь въ моей власти, я повѣсилъ-бы цѣлую кучу вашихъ!

Всѣ расхохотались... Они смѣялись надъ его безумнымъ стремленіемъ выказать свой патріотизмъ даже съ приставленнымъ ко лбу дуломъ пистолета.

Они общались, что городъ его просуществуетъ не болѣе двадцати, тридцати, сорока часовъ.

Люди эти, смѣющіеся передъ лицомъ смерти и пренебрегающіе опасностью, — сколько ужасныхъ дѣлъ совершили они въ теченіе осады, способствуя неизбѣжной гибели, разрушенію и смерти, ожидающей его! Не имѣть возможности наказать ихъ, потребовать у нихъ отчета! — съ горечью думалъ Сади.

И въ головѣ его мелькнула вдругъ мысль, не можетъ

ли онъ самъ сдѣлаться орудіемъ этого наказанія, — онъ, скромный скрипачъ...

Мысль эта пришла къ нему совершенно неожиданно, когда пруссаки ужинали.

Онъ былъ твердо убѣжденъ, что, предавая этихъ людей Франціи, онъ жертвовалъ своею жизнью, но возможность такой жертвы нравилась ему, и онъ сожалѣлъ только объ одомъ, — что ничего не могъ сдѣлать, не погубивъ отца той, которую онъ такъ глубоко любилъ.

Да, если онъ призоветъ сюда французовъ, они не пощадятъ ни одного человека, и Люденмейеръ погибнетъ съ другими.

Странное это было зрѣлище: огромный подвалъ, освѣщенный нагорѣвшими свѣчами, красноватый огонь очага и мрачныя фигуры дюжихъ пруссаковъ, занятыхъ ѣдой и своими трубками.

Время отъ времени кто-нибудь изъ нихъ выходилъ и затѣмъ возвращался съ донесеніемъ о томъ, что дѣлается на укрѣпленіяхъ или на улицахъ.

Молодой поручикъ вышелъ въ свою очередь около полуночи, и Сади понялъ что онъ отправился по ту сторону укрѣпленій, пока товарищи пили шампанское большими стаканами, желая ему успѣха.

Часы проходили за часами, и веселость пруссаковъ становилась все болѣе и болѣе шумной, а по мнѣнію Сади — даже опасной.

Люденмейеръ много разъ пытался водворить молчаніе, но пруссаки, разгоряченные виномъ, повиновались ему только на минуту, а затѣмъ снова начинали галдѣть и смѣяться.

Въ самый разгаръ этого веселья, Сади тронулъ своего друга за плечо, рѣшившись на первую ложъ за всю свою жизнь.

— Вы простились съ поручикомъ? — спросилъ онъ шопотомъ. — Надѣюсь, что да... Вы никогда больше не увидите его, другъ Люденмейеръ!

Капитанъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ Сади на кучѣ соломъ, засмѣялся недовѣрчиво, но не могъ скрыть своего волненія, когда спросилъ:

— Почему же мы не увидимъ его больше, Сади?

— Потому что тамъ извѣстно, въ какомъ мѣстѣ онъ долженъ перебраться сегодня ночью.

— Извѣстно? Кому же это извѣстно?

— Левуару и его штабу. Слухъ давно уже носится, что вы скрываетесь гдѣ-то среди развалинъ. Я пришелъ сюда, чтобы предупредить васъ... васъ однихъ, само собою разумѣется, не другихъ.

Онъ поднялъ палецъ, какъ бы желая сказать: — «это тайна между нами».

Люденмейеръ задумался на минуту надъ словами Сади, а затѣмъ сказалъ:

— Левуаръ былъ вашимъ пріятелемъ, сколько мнѣ помнится?

— Я имѣлъ честь давать его женѣ уроки на скрипкѣ.

— И это она все рассказала вамъ?

Онъ самъ подсказалъ отвѣтъ Сади, и скрипачъ съ жадностью ухватился за него.

— Это не такъ важно для дѣла. Если вы сомнѣваетесь въ ея словахъ, удостовѣритесь въ этомъ сами. Друзья ваши не способны теперь на это.

— Это вѣрно. Они думаютъ, что все уже сдѣлали. Я долженъ идти, конечно, Сади... и васъ возьму съ собой.

— Нѣтъ, Люденмейеръ! Мнѣ нечего тамъ дѣлать... къ тому же, я чувствую себя здѣсь хорошо.

— Въ настоящее время, да... но случись со мною что-нибудь—и они повѣсятъ васъ, другъ Сади!

— Попытаюсь, чтобы этого не было, Люденмейеръ! Помните только, я дѣлаю это для васъ однихъ. Они не посмѣютъ, во всякомъ случаѣ, послушаться вашихъ приказаній.

— Дайте имъ слово, что вы будете молчать, и они отпустятъ васъ на всѣ четыре стороны. Это такъ легко сдѣлать, Сади.

— Пруссакъ, можетъ быть, но не мнѣ! Мы были съ вами пріятелями... развѣ этого недостаточно, Люденмейеръ? Всякій умный человѣкъ сразу пошелъ бы.

Оба взглянули другъ на друга, и пруссаку показалось, что онъ прочелъ что-то въ широко раскрытыхъ глазахъ и крѣпко сжатыхъ губахъ своего друга. У него мелькнула мысль, что онъ и дюжина шпионовъ, находившихся съ нимъ, попали въ ловушку, изъ которой только поспѣшное бѣгство могло спасти ихъ. Простодушный старый скрипачъ зналъ навѣрное больше, чѣмъ говорилъ. Люденмейеръ, привыкшій всегда заботиться только о самомъ себѣ, думалъ и на этотъ разъ о своемъ спасеніи, и ему не было до того дѣла, что будетъ съ другими. Онъ былъ благодаренъ Сади и пожалъ ему руку.

— Такъ вотъ,—сказалъ онъ громко, чтобы всѣ слышали,—я долженъ идти, но я не долго буду въ отсутствіи. Не жалѣйте вина, Сади! Надѣюсь, господа, вы будете гостепріимны — обратился онъ ко всей компаніи,—онъ мой гость.

Въ отвѣтъ на это пруссаки отдали ему честь, и часовой шепнулъ, что путь свободенъ. Выходя изъ подвала, Люденмейеръ тихо сказалъ Сади:

— Будьте осторожны... они въ дурномъ настроеніи духа...

Сади кивнулъ головой, но сердце его забилося сильнѣе, когда дверь закрылась, и онъ мелькомъ взглянулъ въ лица пруссаковъ, надѣясь прочесть, что они намѣрены съ нимъ дѣлать послѣ ухода капитана. Сади зналъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ, но когда великанъ взялъ револьверъ и зарядилъ его, скрипачъ не испугался.

«Они не застрѣлятъ меня,—подумалъ онъ, потому что не захотятъ дѣлать шума».—Онъ боялся только веревки и крюка, торчавшаго вверхъ на балкѣ, но старался не показывать этого; отвернувшись со смѣхомъ отъ нихъ, онъ зарылся съ головою въ солому и сдѣлалъ видъ, что спитъ.

Скоро и всѣ остальные послѣдовали его примѣру, и подвалъ огласился тяжелымъ дыханіемъ усталыхъ людей.

Сади взялъ скрипку, которую ему вернулъ капитанъ, и нѣжно прижалъ ее къ себѣ, какъ единственное имущество, оставшееся у него на свѣтѣ.

Тишина этого уединеннаго мѣста давала возможность слышать всѣ ночные звуки,—и мычанье быковъ и ревъ гранатъ. Сади думалъ о томъ, что сказали бы французскія войска, приди онъ къ нимъ и скажи имъ:

— Подвалы старой церкви Св. Жерве наполнены прусскими шпионами; идите, вы найдете ихъ спящи-

Фехтованіе на штыкахъ—упражненія англійскихъ волонтеровъ.

ми.—Имѣй онъ возможность передать имъ это, и бѣдствіе послѣднихъ дней были бы отомщены! А между тѣмъ онъ былъ такъ безсиленъ!

Онъ зналъ, что всякая попытка двинуться изъ подвала навлечетъ на него неминуемую смерть.

Сади, убѣжденный въ безнадежности своего положенія, лежалъ неподвижно и считалъ часы.

Онъ даже заснулъ въ теченіе нѣкотораго времени и проснулся, разбуженный голосомъ часового, который спустился внизъ, чтобы предупредить своихъ товарищей.

Солдаты 53-го полка спѣшили на подмогу французскимъ артиллеристамъ...

Тяжелые шаги ихъ раздавались уже по улицѣ, и слышно было, какъ они спотыкались о камни и обломки разрушенныхъ домовъ.

Ихъ было много, очень много, — такъ говорилъ слухъ.

Изъ всѣхъ присутствующихъ, которые прислушивались къ этимъ шагамъ, одинъ только Сади не дрожалъ и не блѣднѣлъ.

Онъ осторожно вынулъ свою скрипку изъ футляра.

Тревога, поднятая часовымъ, не сразу дошла до сознанія людей, полупроснувшихся и одурѣвшихъ отъ вина. Одни изъ нихъ сидѣли молча, широко открывъ ротъ, другіе продолжали лежать и прислушивались...

Полкъ идетъ, да! Но что-жъ изъ этого? Надо только лежать смиренно, погасивъ огонь, — и безопасность ихъ была обезпечена.

Такъ думали они, когда вблизи гдѣ-то раздалась громкая музыка, которая мигомъ подняла ихъ на ноги и заставила искать оружіе.

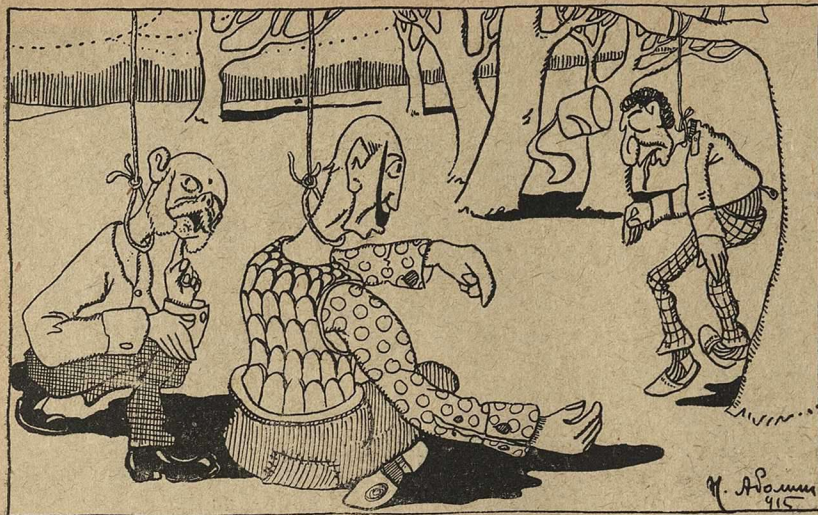
Кто-то игралъ «Wacht am Rhein» прямо тутъ у нихъ надъ самымъ ухомъ...

Чей-то голосъ крикнулъ, чтобы зажгли огонь.

Страшная минута для Сади-скрипача!

Никогда еще не игралъ онъ съ такимъ азартомъ и съ такимъ увлеченіемъ, несмотря на то, что пули свистѣли кругомъ него и слышались взмахи сабель...

Онъ ни на что не обращалъ вниманія и игралъ все громче и громче...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (Турку). Ты уже готовъ, Абдулка, а теперь и наша очередь, благодаря Итали петли затянутся еще скорѣе, чѣмъ мы ожидали.

ТАЙНЫ ВИЛЬГЕЛЬМА И ЕГО ДВОРА.

Арлекинъ.

Однажды зимою 1894 г. императрица Марія-Августа получила анонимное письмо, извѣщавшее ее, что незаконная дочь ея супруга, Вильгельмина, скончалась.

Ребенокъ — дѣвочка, о которой упоминалось въ письмѣ, умерла двѣнадцати лѣтъ. Ея мать, красавица вѣнка, фрейленъ Каролина Зейффертъ, была въ числѣ тѣхъ красивыхъ женщинъ, что группировались вокругъ австрійскаго наслѣднаго принца — Рудольфа, который находился въ самой тѣсной дружбѣ съ Вильгельмомъ.

Каролина Зейффертъ оказалась страшно практичной и попробовала извлечь отъ своего высокопоставленнаго любовника крупную денежную помощь.

Между представителемъ Германской Имперіи въ Вѣнѣ, принцемъ Рейссъ, и фрейленъ Зейффертъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Сто тысячъ флориновъ, — заявила фрейленъ Зейффертъ.

— Да, что вы, помилуйте, — возразилъ ей посланникъ, — вѣдь, принцъ Вильгельмъ вамъ столько же долженъ, какъ и сотни другихъ. Его высочество говоритъ, что ребенокъ настоящій арлекинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, ваша свѣтлость? — спросила молодая мать.

— Я хочу сказать только то, что уже сказалъ, а именно: ребенокъ не его. Онъ составленъ изъ слишкомъ многихъ кусочковъ.

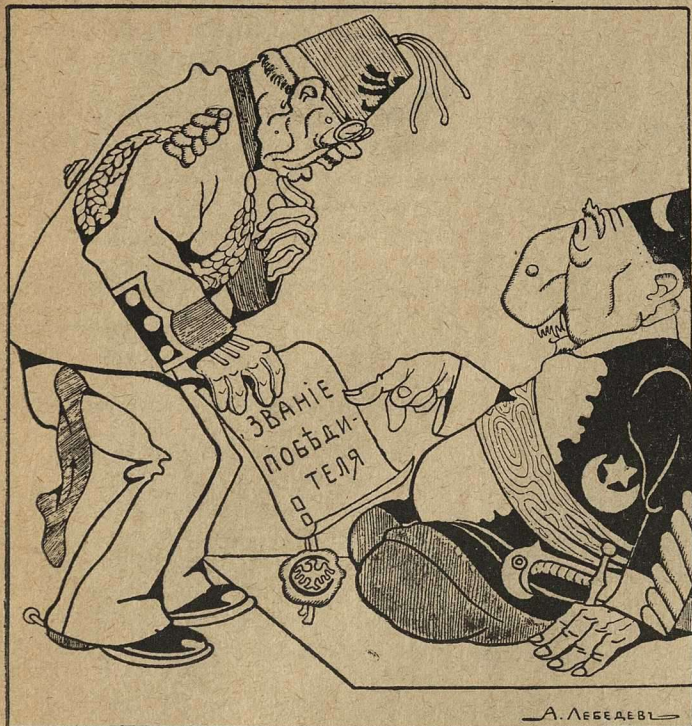
— Ахъ, вотъ оно что! — воскликнула Каролина, быстро раскрывая «бабу», мирно спавшаго въ своей колыбелькѣ, и показывая его лѣвую ручку.

Послѣ этого принцъ Рейссъ не прибавилъ ни слова, видя, что теперь всѣ его аргументы больше не приведутъ ни къ чему.

Маленькая Вильгельмина была вылитый портретъ своего отца, унаследовавъ даже отцовскій недугъ, какъ неопровержимый знакъ своего высокаго происхожденія.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Прежде я еще колебался, но теперь, когда Италия тоже выступила — къ чорту колебанія: возьмите на сохраненіе мои денежки, у васъ цѣлѣе будутъ!

СУЛТАНЪ. Спасибо за титуль, но я хотѣлъ бы все-таки узнать, кого же, собственно, я побѣдилъ?

— Ваше величество, кромѣ русскихъ и сербовъ насъ начали бить еще и итальянцы!

— Гм... Накажу ихъ за это: больше никогда не стану ѣсть итальянскихъ макаронъ.

Г-жа фонъ-Х., графиня Z. и другія.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ г-жа фонъ-Х..., считалась главной фавориткой Вильгельма.

Вильгельмъ II началъ интересоваться г-жей фонъ-Х. съ 1882 года, т. е. когда ему уже стала надоѣдать Августа-Викторія, и его величеству захотѣлось общества веселой, интеллигентной и умной женщины.

Въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ императрица дѣлала сцены своему супругу, по поводу этой интересной женщины, но совершенно безуспѣшно. Вильгельмъ категорически заявилъ, что она ему нравится и онъ желаетъ, чтобы г-жа фонъ-Х... присутствовала на всѣхъ пріемахъ какъ официальныхъ, такъ и болѣе интимныхъ.

И нужно было десять долгихъ лѣтъ придворной камарилы, чтобы низвергнуть г-жу фонъ-Х...

Графиня Z. считалась вторымъ номеромъ, который можно было внести въ списокъ тѣхъ «чаровницъ», что гордились дружбой Вильгельма II.

Одно высокопоставленное лицо, присутствовавшее на этой знаменитой охотѣ, гдѣ Вильгельмъ II встрѣтился въ первый разъ съ графиней Z..., рассказывало слѣдующее:

Мы, всѣ охотники, въ ожиданіи его величества, сгруппировались на

дворѣ, готовые по первому его знаку слѣдовать къ мѣсту охоты.

Единственная женщина, находившаяся среди насъ, невольно привлекла наше вниманіе: это и была графиня Z...

Она сидѣла по-мужски, на громадной рыжей лошади.

Наконецъ, появился императоръ, отвѣчая на громкія привѣтствія собравшагося общества. При видѣ графини, лицо его покраснѣло отъ удовольствія, и какъ только его величество сѣлъ на лошадь, онъ воскликнулъ:

— Графиня, мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

И затѣмъ, пустивъ лошадь въ галопъ, «счастливая парочка» скрылась изъ нашихъ глазъ, и въ продолженіе всей охоты мы лишь на почтительномъ разстояніи слѣдовали за нею.

Разумѣется, г-жа фонъ-Х... была неприятно поражена появленіемъ этой новой звѣзды на придворномъ небосклонѣ. И съ тѣхъ поръ, между двумя фаворитками возникло во всемъ невольное соперничество.

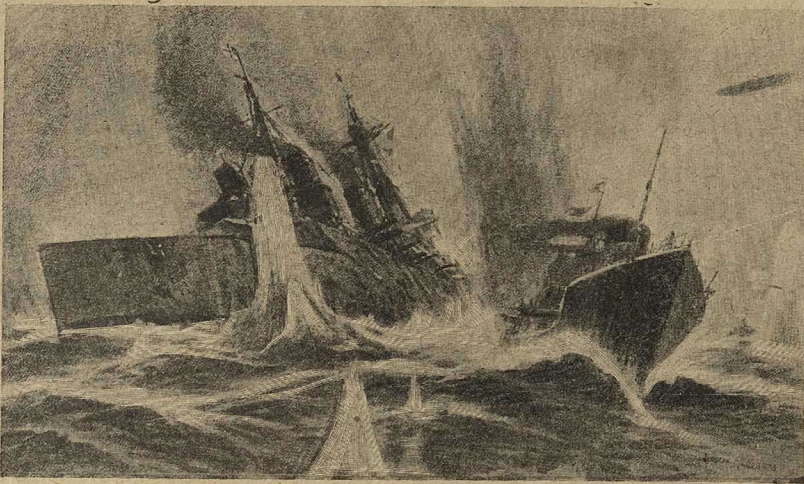
Но пока обѣ соперницы устраивали другъ передъ другомъ сцены ревности, чуть ли не на глазахъ самой императрицы, въ это время Вильгельмъ II успѣлъ уже увлечься другой прелестной и элегантной

женщиной, почти неизвѣстной при дворѣ—это была графиня W..., жена одного дипломата, причисленнаго къ посольству въ Берлинѣ.

Близкія отношенія Вильгельма II съ графиней W... длились болѣе че-

ПРУССАКЪ. О, самоваръ, это замѣчательное русское изобрѣтеніе—въ немъ одномъ больше мѣди, чѣмъ въ десяти прусскихъ лбахъ.

Первый бой на морѣ между итальянскими и австрійскими судами.

тырехъ лѣтъ, и только ея неожиданнѣйшій отъѣздъ нарушилъ эту идиллію.

Привязанность императора къ молодой женщинѣ была настолько сильна, что изъ-за нея онъ порвалъ свою связь съ г-жей фонъ-Х..., а также освободился отъ узъ, соединявшихъ его съ графиней Z...

По слухамъ, во всей этой дипломатической исторіи живѣйшее участіе принимала сама императрица. Рассказывали даже, что Августа-Викторія написала о своихъ семейныхъ горестяхъ одной государынѣ, съ которой она находилась въ дружескихъ отношеніяхъ, и та обѣщала ей свое содѣйствіе, чтобы избавить «несчастную страдальцу» отъ коварной графини... И будто бы «письмо» этой дружески расположенной государыни, по этому поводу, видѣлъ «кто-то» изъ придворныхъ.

Ночной эпизодъ.

Возвращаясь къ времени фаворитизма графини Z., авторъ мемуаровъ о берлинскомъ дворѣ, графиня Эппингхоффъ рассказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ.

Однажды во дворцѣ въ Грюнвальдѣ былъ устроенъ небольшой интимный вечеръ; императрица, незадолго до того разрѣшившаяся отъ бремени принцессой Луизой, участія въ немъ принимать не могла.

На вечеръ было человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ нѣсколько дамъ и среди нихъ графиня Z.

Его величество былъ чѣмъ-то разстроенъ, видимо, его преслѣдовала какая-то докучливая мысль. Весь вечеръ Вильгельмъ II сидѣлъ

рядомъ съ графиней, выглядѣвшей очень интересной въ своемъ красномъ бархатномъ платьѣ.

Около полуночи церемоніймейстеръ Котцъ предложилъ всѣмъ пойти на лѣвую половину замка, такъ называемую «Іоахима», и осмотрѣть ту комнату, гдѣ, по преданію, маркиза, жена Іоахима, замуровала свою соперницу въ одной изъ стѣнъ башни.

Но, каково было наше удивленіе, когда, вернувшись изъ «таинственной» башни, кстати сказать, тамъ царила полная тишина и спокойствіе, мы замѣтили двухъ отсутствующихъ: императора и графиню.

Вечеромъ Вильгельма всегда ожидаютъ запряженные сани — лошади въ нихъ должны смѣняться черезъ каждые два часа, чтобы быть постоянно наготовѣ и по первому слову императора двинуться въ путь. И вотъ, какъ разъ сегодня, когда всѣ покинули гостиную, «его величество» и «ея сіятельство» изволили вскочить въ эти самыя сани, и предводительствуемые верховыми, освѣщающими имъ дорогу факелами, понесли полнымъ ходомъ по направленію къ Потсдаму.

Оберъ-гофмейстеръ, графъ Эйленбургъ, отвѣчающій за священную особу императора, немедленно послалъ вслѣдъ бѣглецамъ другія сани, запряженные самыми быстрыми рысаками королевской конюшни.

Въ нихъ сидѣли кучеръ и лакей, которымъ былъ отданъ строжайшій приказъ, держаться какъ можно ближе къ экипажу его величества, но, разумѣется, избѣгая быть имъ замѣченными.

Двое людей, посланныхъ въ погоню за императорскими санями,

вернулись около пяти часовъ утра, — они заявили, что все благополучно, и что его величество живъ и здоровъ!

Больше отъ нихъ ничего нельзя было добиться, такъ какъ и кучера, и лакея немедленно отправили на жительство въ дальнюю провинцію по приказанію свыше.

Императоръ Александръ I въ Парижѣ въ 1814 г.

31-го марта 1814 года, около часу пополудни, отъ парижской ратуши двинулся длинный рядъ каретъ. Полицейскій префектъ, баронъ Пакье, сенскій префектъ де-Шаброль, въ сопровожденіи муниципальнаго корпуса, въ полномъ составѣ, отправлялись къ русскому императору Александру I, чтобы привѣтствовать его отъ города Парижа, наканунѣ сдавагося на капитуляцію.

Императоръ Александръ I занималъ замокъ де-Bondy. Объ этомъ эпизодѣ, въ «Mémoires du chancelier Pasquier» напечатаны любопытныя показанія.

«Подѣхавъ къ Пантенской заставѣ, — говоритъ Пакье, — авангардъ нашей колонны былъ остановленъ стоявшимъ тамъ карауломъ, который отказался выпустить насъ. Препятствіе это затянулось, и потому я рѣшился спѣшиться и пойти самому попробовать удалить его.

«Гауптвахту занимали еще гренадеры императорской гвардіи. Командовавшій ими офицеръ заявилъ мнѣ, что отданъ былъ строжайшій приказъ не пропускать рѣшительно никого.

«Я заявилъ, что этотъ приказъ не могъ относиться къ муниципальному отряду, отправляющемуся исполнить возложенный на него долгъ.

«— Господинъ префектъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, я васъ узнаю, я видѣлъ васъ неоднократно, дежуря во дворцѣ.

«— Итакъ, нельзя болѣе сомнѣваться, Парижъ въ рукахъ непріятеля! Наша столица взята, и вотъ результатъ двадцатилѣтней борьбы, столько сраженій, побѣдъ, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ, такъ какъ нахожусь въ рядахъ уже съ 1792 года!

«Договаривая эти слова, онъ поднесъ руку къ лицу, чтобы скрыть слезы, струившіяся изъ его глазъ и которыхъ онъ не могъ отъ меня

скрыть. Эта патриотическая скорбь старого вояки — усы у него были съ просѣдью — произвела на меня впечатлѣніе, котораго я не въ силахъ передать.

«Я пожалъ ему руку съ тѣмъ же глубокимъ волненіемъ, какое охватило и его. «Ну, значитъ, приходится уступить, — сказалъ онъ. Можете проходить». И онъ приказалъ поднять шагбаумъ.

«Я никогда не встрѣчалъ болѣе этого добраго человѣка.

«Я часто сожалѣлъ, что не спросилъ объ его имени. Когда мы возвращались по утру, его уже сняли съ поста съ карауломъ и онъ соединился съ арміей, покидавшей Парижъ.

«Впрочемъ, императоръ, къ которому направлялся печальный этотъ кортежъ, вскорѣ сдѣлался на столько популярнымъ среди парижанъ, что заставилъ ихъ забыть самыя огорченія, причиненныя имъ ихъ пораженіемъ.

«Онъ сочувствовалъ имъ и не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло быть имъ пріятнымъ или полезнымъ.

«Вступивъ въ Парижъ и поселившись въ улицѣ Saint-Florentin, въ отелѣ «Талейранъ», онъ предоставилъ себя, такъ сказать, лично къ услугамъ полицейскаго префекта, заявивъ ему:

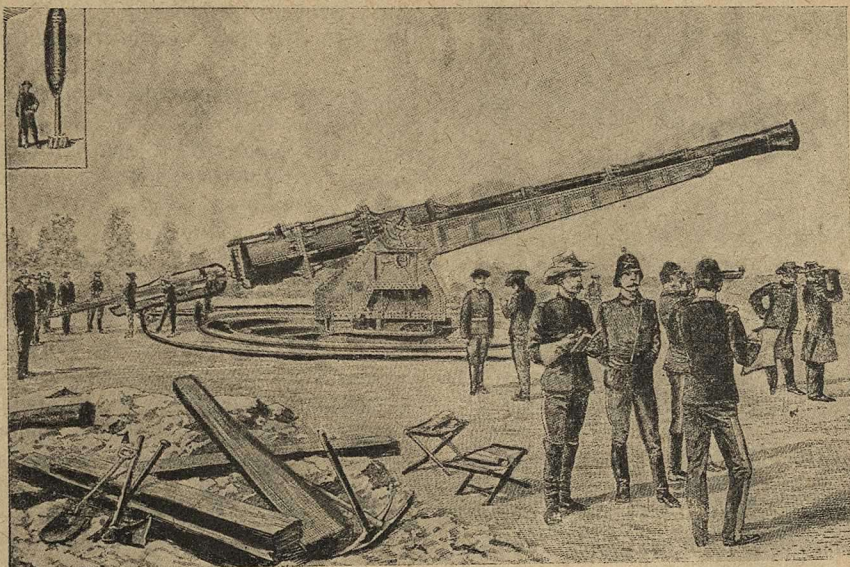
«— Если бы, въпрочемъ, случилось что-нибудь такое, что васъ бы задѣло, или если бы вы нашли полезнымъ принять какія-нибудь мѣры, обращайтесь прямо ко мнѣ. Напишите мнѣ, черезъ вѣстового, если сами не можете придти, и черезъ полчаса вы получите мой отвѣтъ.

«Между прочимъ, русскому генералу, назначенному губернаторомъ Парижа, государь приказалъ насчетъ всего входить въ соглашеніе съ Пакье. Этотъ генераль самъ говорилъ полицейскому префекту:

«— Назначьте состоятъ при мнѣ человѣка, которому вы вполне доверяете. Я ничего не подпишу безъ предварительнаго его просмотра, — даю вамъ въ томъ слово.

«И, дѣйствительно, императоръ Александръ пріобрѣлъ огромную популярность, говорить Пакье.

«Всѣ видѣли, что все исходило отъ него, что все вертѣлось вокругъ него. Союзникъ его, король прусскій, остался незамѣченнымъ. Его мало видѣли, онъ избѣгалъ показываться въ средѣ публики, появляясь всегда съ скромнымъ видомъ, что не могло его особенно выдвинуть. Александръ, напротивъ того, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы по-

Недавно изобрѣтенная американская пушка-гигантъ, стрѣляющая сжатымъ воздухомъ и выбрасывающая снарядъ на разстояніе до 38 верстъ.

казаться въ публикѣ, исколесилъ верхомъ на лошади весь городъ вдоль и поперекъ, усердно посѣщалъ всѣ общественныя учрежденія.

«Вначалѣ эти поѣздки, которыя онъ совершалъ почти всегда безъ свиты и безъ предупрежденія полиціи, весьма тревожили меня, пишетъ Пакье. — Кто могъ гарантировать насъ отъ какого-нибудь преступнаго покушенія? Какова была бы судьба Парижа, предоставленнаго яростно-му отмщенію его солдатъ.

«И вотъ, я пытался, но, увы, тщетно, умолять его, чтобы онъ разрѣшилъ принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности и каждый разъ предупреждалъ меня о томъ направленіи, по какому намѣревался отправиться. Во всѣхъ своихъ поѣздкахъ онъ искалъ случая сдѣлать что-нибудь такое, чтобы произвести пріятнѣйшее впечатлѣніе на всѣ классы. Такъ, въ отвѣтъ на мое заявленіе о томъ, что лошади его кавалеріи, пущенныя на Елисейскія поля, уничтожали растительность, онъ самодично отправился для констатированія этого опустошенія, затѣмъ далъ необходимыя приказанія о прекращеніи этого опустошенія, даже о возможномъ исправленіи его. И, такимъ образомъ, ему обязаны сохраненіемъ этого великолѣпнаго мѣста прогулки, которое, безъ императора, было бы лишено лучшаго своего украшенія.

«Посѣтивъ музей, онъ замѣтилъ, что многіе пьедесталы были пусты. Узнавъ, что дѣло объяснялось мѣ-

рами предосторожности, принятыми главнымъ директоромъ Депономъ, спрятавшимъ многія изъ лучшихъ вещей, онъ далъ замѣтить, что считаетъ себя оскорбленнымъ по этому поводу.

«— Развѣ я не общалъ, начиная съ Bondy, сказалъ онъ, — что общественныя памятники будутъ пощажены? Неужели полагаютъ, что я измѣню своему слову?

«Пришлось ему отвѣтить, что эта мѣра предосторожности была принята заранѣе и что все немедленно будетъ снова поставлено на мѣсто, что и было исполнено въ дѣйствительности.

ПАТРИОТЪ. (Изъ воспоминаній о Тьерѣ).

Въ началѣ іюля 1870 года Тьеръ напрасно истощалъ свое краснорѣчіе.

Ни его энергія, ни блестящіе таланты, ни вся страстность его молодой еще тогда души, насквозь проникнутой любовью къ родинѣ, ничто не могло остановить безумнаго объявленія войны Пруссіи.

Внѣ себя отъ горя и отчаянія Тьеръ заперся въ своемъ отелѣ на площади Сень-Жоржъ и, углубившись въ свои любимыя историческія и философскія книги, тщетно старался забыть нависшую надъ его отечествомъ грозную тучу.

Со страшной душевною болью слѣ-

Австрійскій «инструкторъ» почтово-голубиной почты со своимъ питомцемъ, принесшимъ вѣсть о первой побѣдѣ итальянцевъ надъ австрійцами.

диль онъ, какъ разразилась эта туча и залила кровью всю его родину.

Но вотъ наступило знаменитое 4 сентября 1870 года (день взятія пруссаками въ плѣнъ Наполеона III).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого историческаго дня, Жюль Фавръ, выбранный вице-президентомъ временнаго правительства, явился потревожить кажущійся покой добровольнаго отшельника.

Жюль Фавръ указалъ Тьеру на необходимость ходатайствовать передъ иностранными государствами о вмѣшательствѣ въ войну, чтобы спасти отечество, находившееся на краю гибели.

Прежде всего онъ совѣтовалъ ему обратиться къ Англіи.

Тьеръ сдѣлся и немедленно отправился въ путь.

Во время войны всѣ желѣзнодорожныя сообщенія французской столицы были уничтожены, и Тьеру пришлось отправиться въ Крейль на лошадахъ.

Тутъ съ нимъ случился маленький эпизодъ, наглядно показывающій уваженіе, которымъ пользовался во Франціи знаменитый государственный дѣятель.

Прослѣдовавъ благополучно черезъ Крейль, онъ долженъ былъ проѣхать по мосту, находившемуся около самаго города, обложеннаго со всѣхъ сторонъ непріятелемъ.

Здѣсь его остановилъ военный караулъ.

Офицеръ, начальствовавшій надъ карауломъ, приблизился къ экипажу, чтобы потребовать отъ путешественника пропускной листъ.

Но, заглянувъ въ карету и увидѣвъ тамъ Тьера, который сталъ было доставать изъ кармана портфель съ пропускомъ, офицеръ почтительно отсту-

пилъ отъ дверцы и поспѣшилъ приложить руку къ кепи.

— Не трудитесь доставать ваши бумаги, г. Тьеръ,—проговорилъ онъ.—Я имѣю честь знать васъ лично. Я былъ дежурнымъ въ палатѣ въ тотъ памятный день, когда васъ такъ непростительно оскорбляли, осмѣивали и осыпали чуть не бранью за то, что вы всѣми силами своего удивительнаго краснорѣчія противились объявленію этой несчастной войны. Позвольте мнѣ воспользоваться случаемъ, г. Тьеръ, чтобы сказать вамъ, какъ вы были достойны удивленія и поклоненія въ тотъ незабвенный для меня день!.. Однако, время не терпитъ, непріятель приближается. Я посажу одного изъ солдатъ къ вамъ на козлы, и онъ будетъ вашимъ проводникомъ. Какъ только вашъ экипажъ переѣдетъ черезъ мостъ, прикажите кучеру гнать лошадей во весь духъ по дорогѣ, идущей влѣво. И пусть онъ не обращаетъ вниманія на выстрѣлы, которыми, быть-можетъ; будутъ провожать васъ прусскіе уланы. Разстояніе слишкомъ велико, и выстрѣлы не причинятъ вамъ никакого вреда. Онъ тотчасъ же послѣ вашей переправы взорву мостъ. Видите сержанта съ дымящимся фитилемъ въ рукахъ? Онъ ожидаетъ только моего знака, чтобы приложить этотъ фитиль къ минѣ подъ мостомъ. Послѣ васъ никто болѣе не перейдетъ черезъ этотъ мостъ: онъ взлетитъ на воздухъ, какъ только вашъ экипажъ скроется у насъ изъ виду... До свиданія! Дай Богъ вамъ успѣха!

Съ этими словами офицеръ подалъ знакъ; одинъ изъ солдатъ вскочилъ на козлы экипажа; кучеръ хлестнулъ лошадей, и онѣ стрѣлой помчались по мосту.

Непріятельскіе уланы противъ ожиданія не стрѣляли; очевидно, они поняли, что ихъ выстрѣлы будутъ только бесполезной тратой пороха.

Зато Тьеръ черезъ нѣсколько минутъ услышалъ звукъ страшнаго взрыва и, высунувшись изъ кареты, могъ полюбоваться летѣвшими во всѣ стороны камнями и кусками дерева, изъ которыхъ состоялъ мостъ.

Прибывъ въ Лондонъ, Тьеръ тотчасъ же поспѣшилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, глава котораго, лордъ Гранвиль, былъ однимъ изъ его искреннихъ друзей.

Гранвиль принялъ его съ распростертыми объятіями, но, выслушавъ, съ сожалѣніемъ заявилъ; что ничего не можетъ сдѣлать безъ Гладстона.

Послѣдній встрѣтилъ Тьера съ легкой вѣжливостью и категорически заявилъ, что Англія совершенно безсильна въ данномъ дѣлѣ.

Тьеръ сталъ настаивать, чтобы Глад-

стонъ, по крайней мѣрѣ, согласился переслать Бисмарку письмо отъ него, Тьера, съ просьбою о свиданіи съ «желѣзнымъ графомъ» въ Версали.

Гладстонъ съ полной готовностью взялся исполнить эту просьбу, но наотрѣзъ отказался сопровождать письмо Тьера рекомендательнымъ письмомъ отъ себя, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что эта услуга можетъ повести къ политическимъ осложненіямъ, нежелательнымъ для Англіи.

Гладстонъ написалъ банальную и неопредѣленную рекомендацію, въ которой просилъ Бисмарка принять Тьера «въ цѣляхъ возстановленія мира».

Никакія просьбы и убѣжденія Тьера не могли заставить его прибавить слова: «и для сохраненія европейскаго равновѣсія», которыя французскій патріотъ находилъ необходимыми.

Самъ не свой отъ постигшей его неудачи, Тьеръ возвратился въ свое посольство, гдѣ ему было приготовлено помѣщеніе.

Тамъ онъ засталъ свою жену и ея сестру, тоже только что пріѣхавшихъ изъ Парижа.

Обѣ дамы были въ радостномъ возбужденіи: оказалось, что на имя Тьера получена депеша отъ князя Горчакова, приглашавшаго его отъ имени русскаго императора въ Петербургъ.

Обрадованный патріотъ въ этотъ же день выѣхалъ въ Россію.

Такъ какъ путь по Балтійскому морю былъ прегражденъ нѣмецкимъ флотомъ, то Тьеру пришлось ѣхать черезъ Австрію.

Онъ воспользовался этимъ, чтобы побывать у тогдашняго австрійскаго премьера, графа Бейста, съ цѣлью зондировать почву и у него.

Но изъ первыхъ же словъ Бейста онъ убѣдился, что на Австрію тоже нечего рассчитывать, поэтому старый дипломатъ поспѣшилъ откланяться Бейсту и продолжалъ путь въ Россію.

Въ Петербургѣ онъ былъ ободренъ общаніемъ князя Горчакова, милостиво подтвержденнымъ затѣмъ лично императоромъ Александромъ II, что русское правительство употребитъ всю силу своего вліянія, чтобы смягчить условия зарейнскаго побѣдителя.

ШТУРМЪ ГОСПЕНТАЛЯ.

Въ 1799 году, послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Италіи, Суворовъ неожиданно получилъ отъ австрійскаго правительства, которому былъ подчиненъ съ своей арміей, приказаніе двинуться въ Швейцарію и вытѣснить оттуда французскія войска, на-

ходившіяся, въ числѣ 60.000 человекъ, подъ начальствомъ маршала Массены.

Такое распоряженіе глубоко огорчило и раздражило Суворова.

Оставляя австрійцевъ хозяйничать въ завоеванной имъ Италіи, изобиловавшей всѣмъ необходимымъ, онъ долженъ былъ предпринять въ глухую осень тягостный походъ въ страну гористую, лишенную удобныхъ дорогъ и средствъ для продовольствія войскъ, обороняемую непріателемъ, въ три раза превышавшимъ своею численностью русскую армію.

Но, получивъ настоящее приказаніе императора Павла исполнить требованіе австрійскаго двора, Суворовъ долженъ былъ повиноваться.

14-го сентября наши войска сосредоточились у городка Таверны, гдѣ, по условію, австрійцы обязались приготовить 1.400 муловъ для выюковъ, но муловъ не оказалось ни одного.

Пришлось взять подъ выюки непривычныхъ казачьихъ лошадей, готовить выючные сѣдла, собирать по окрестнымъ деревнямъ мѣшки и потерять на это почти недѣлю.

Лишь 20-го сентября двадцатитысячная русская армія двинулась въ тотъ знаменитый походъ, который составляетъ самую главную страницу въ лѣтописяхъ нашей военной исторіи и выказываетъ во всемъ блескъ геній нашего военнаго полководца.

Погода стояла отвратительная: дождь лилъ непрерывно, рѣзкій вѣтеръ прохватывалъ насквозь, ночи были сырыя и холодныя.

Дорога тянулась узкой лентой, съ крутыми спусками и подъемами; людямъ приходилось идти по скользкимъ косогорамъ, въ грязи, переправляться въ бродъ по колѣна, иногда по поясъ.

Войска поднимались съ разсвѣтомъ, шли до поздней ночи и на ночлегахъ не всегда находили даже хворостъ для бивуачныхъ костровъ.

Суворовъ ѣхалъ среди солдатъ, на казачьей лошади, въ лѣтнемъ платьѣ, въ широкополой шляпѣ, укрываясь отъ ненастья тонкимъ, суконнымъ плащомъ.

Возлѣ него тащился, тоже на казачьей лошади, шестидесятипятилѣтній старикъ Антоніо Гамма, хозяинъ того дома въ Тавернѣ, гдѣ квартировалъ Суворовъ.

Онъ до такой степени привязался къ Суворову, что рѣшился сопровождать его въ походъ и служить ему проводникомъ, такъ какъ хорошо зналъ Альпійскія горы.

23-го числа войска приблизились къ крутой и высокой горѣ Сень-Готаръ, преграждавшей имъ путь и обороняемой девятитысячнымъ французскимъ корпусомъ.

Суворовъ приказалъ отряду Дерфельдена идти прямо въ гору, а отряду Розенберга обойти ее дальнимъ путемъ и атаковать французовъ съ тылу.

Къ расположенію непріятеля вела тропинка, которая то пересѣкала горныя водотоки, то лѣзла вверхъ по кручамъ, то падала внизъ, въ ущелья.

Утро 24-го сентября было пасмурное, густыя облака лѣпились по ребрамъ горъ.

Въ три часа, на самомъ разсвѣтѣ, войска двинулись съ бивуака и вскорѣ загорѣлся жестокий бой.

Отряду Дерфельдена приходилось преодолевать невѣроятныя препятствія.

Французы, укрываясь за камнями, скалами, въ ѡврагахъ, давали жестокий отпоръ.

Сбиваемые съ одной позиціи, они занимали другую, еще болѣе крѣпкую и упорно отстаивали каждый шагъ.

Съ большими усиліями и потерями удалось Дерфельдену отгѣснить непріятеля до самой вершины Сень-Готара, которая была сильно укрѣплена.

Два раза безуспѣшно штурмовали наши войска французскіе окопы.

Въ пять часовъ вечера, Суворовъ самъ повелъ солдатъ въ третій разъ на штурмъ. Воодушевляемые имъ, они проявили чудеса храбрости и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, наконецъ, опрокинули непріятеля и овладѣли Сень-Готаромъ.

Здѣсь, на двухъ-верстной вышинѣ, стоялъ страннопримный домъ, Госписъ, гдѣ проживали нѣсколько католическихъ монаховъ, поставившихъ себѣ цѣлью спасать отъ гибели путниковъ.

Въ бурное время и при зимнихъ метеляхъ, тропинки Сень-Готара были очень опасны, а временами и непроходимы, такъ что несчастія съ неосторожными людьми случались безпрестанно.

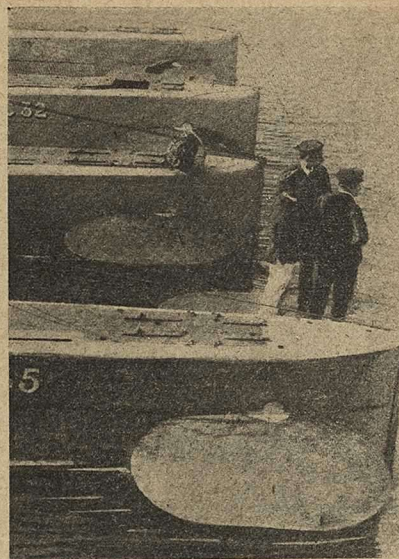
Въ такіе дни и ночи монахи выходили изъ Госписа, отыскивали съ собаками путниковъ, оборвавшихся въ пропасти, занесенныхъ снѣгомъ, выбившихся изъ силъ, приносили ихъ къ себѣ, оттирали, кормили; лечили.

Настоятель этого богоугоднаго дома, сѣдой, дряхлый старикъ, встрѣтилъ Суворова со всей братіей и пригласилъ его къ себѣ къ убогой трапезѣ.

Суворовъ не отказался, но просилъ отслужить прежде благодарственный молебенъ, молился усердно, на колѣняхъ, а потомъ уже пришелъ на угощеніе.

Настоятель могъ угостить его только картофелемъ и горохомъ; никакихъ иныхъ запасовъ на тотъ разъ въ бѣдной обители не случилось.

Неприхотливый Суворовъ былъ доволенъ и этимъ, велъ живую бесѣду,

Италійскія подводныя лодки въ гавани Венеціи.

хвалилъ монаховъ за христіанскіе подвиги, благодарилъ за гостепріимство.

Тѣмъ временемъ, обходной отрядъ Розенберга все подвигался впередъ и послѣ непрерывнаго боя отгѣснилъ французовъ съ горы къ деревнѣ Урзернъ.

Наступалъ вечеръ.

Густыя облака осѣдали съ горъ къ низу и заволокли туманомъ всю долину: не стало видно ни деревни, ни французовъ.

Розенбергъ приказалъ своимъ войскамъ спускаться внизъ, спѣшно, безъ всякаго шума.

Спускъ былъ очень крутой; почти всѣ офицеры и солдаты спускались не на ногахъ, а сидя.

Сѣдлали они это въ большой тишинѣ и выстроились у подошвы горы въ боевую линію, не встревоживъ непріятеля.

Затѣмъ, вся линія, по командѣ, разомъ дала залпъ и съ крикомъ «ура!» бросилась на невидимаго врага.

Французы не ждали такой атаки, смѣшались, не выдержали дружнаго натиска и отступили, бросивъ три пушки, много патроновъ и провіантъ, котораго хватило на суточную дачу отряду Розенберга.

Между тѣмъ, Суворовъ продолжалъ наступать отъ Госписа на французовъ, отнимая у нихъ съ боя каждую пядь земли. Уже стемнѣло, когда онъ рѣшился завершить этотъ славный день послѣднимъ ударомъ — овладѣть укрѣпленной деревней Госпенталемъ, гдѣ сосредоточились французы.

Въ темнотѣ, войска пошли на штурмъ и послѣ отчаянной рукопашной схватки ворвались въ деревню.

Здѣсь Суворовъ остановилъ своихъ

Въ Англіи. Погоня полицейскаго на аэропланъ за германскимъ шпиономъ, кончившаяся поимкой послѣдняго.

утомленныхъ солдатъ на ночлегъ, а французы, побросавъ свою артиллерію въ рѣку Рейсу, въ непроглядную тьму, въ холодную и сырую погоду, начали отступать черезъ дикій, горный хребетъ въ долину, къ деревнѣ Гешененъ, близъ которой лежалъ Чортовъ мостъ, сдѣлавшіяся знаменитымъ, благодаря Суворову и геройству предводимыхъ имъ воиновъ.

КАКЪ ПРОНИКЛА ЕВРОПА ВЪ КИТАЙ.

Бѣглое знакомство съ исторіей дипломатическихъ сношеній Китая и Европы приводитъ къ тому заключенію, что бѣлая раса проникла въ Китай... ползкомъ.

Всѣмъ извѣстно то презрѣніе, съ какимъ надменный Китай, застывшій въ своей національной гордости, относится къ народамъ другихъ странъ.

Онъ уже давно считаетъ себя обладателемъ всей той мудрости, какая только доступна человѣку на землѣ; и всѣмъ этимъ Китай обязанъ только самому себѣ, а у другихъ ничего не заимствовалъ.

И вотъ, проникнувшись необыкновеннымъ самолюбіемъ, китаецъ рѣшаетъ, что никто ему не нуженъ, и что нѣтъ ничего лучше, какъ сидѣть въ своемъ (правда, исполинскомъ) муравейникѣ, не высывая изъ него даже и кончика носа.

А вдругъ являются какіе-то «заморскіе черти», которымъ дома, видно; не сидится!

«Надо полагать, что имъ тамъ плохо живется, иначе чего бы имъ рыскать по бѣлу свѣту! Эти жалкія созданія согласны на всякія униженія, если цѣною ихъ можно завязать сношенія съ благословеннымъ Китаемъ. Ясно, что они въ немъ нуждаются, можетъ-быть, и совсѣмъ не могутъ безъ него обойтись! Тѣмъ хуже для нихъ: пусть ползаютъ и падаютъ ницъ предъ нашимъ богдыханомъ!»

На этихъ началахъ и завязались первыя сношенія Китая съ европейцами.

Но вначалѣ блѣднолицыхъ людей дальше побережья не пускали: «ну ихъ совсѣмъ! Держать вдали отъ Пекина всѣхъ этихъ португальцевъ, испанцевъ и голландцевъ! Пусть переговариваются съ губернаторами Кантона, Макао, Фучжоу и Амоя! Но всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, и обращаться съ этими пріѣзжими такъ, чтобы они не зазнавались. Пусть они испытываютъ спасительный страхъ при одномъ имени китайскаго мандарина!

И китайскіе сановники XVI и XVII вѣковъ не церемонились съ послами европейскихъ державъ: чуть что — вонъ изъ Китая или въ тюрьму!

И въ ней, дѣйствительно, погибли: португальскій посолъ Пиресъ и испанскій — Мартинъ Игнаціусъ.

Попастъ въ Пекинъ впервые удалось представителямъ Остъ-Индской компаніи; но прежде того этимъ торгашамъ пришлось нѣкоторое время упражняться въ челобитіи, которое по-китайски называется «котоу».

Послы должны были продѣлывать этотъ унижительный обрядъ не только передъ богдыханомъ, но и передъ дощечкою съ его именемъ.

Во время торжественнаго пріема во дворцѣ богдыхана церемоніймейстеръ громко командовалъ: «Займите ваши мѣста!» «Поклонитесь трижды до земли!» «Встаньте и идите на ваши мѣста!»

Интереснѣе всего то, что въ награду за всѣ эти униженія послы не получили того, чего добивалась Остъ-Индская компанія.

Въ 1676 году Россія отправила въ Пекинъ посла Спафарія, который привезъ богдыхану цѣнные подарки.

Но надменные китаицы назвали эти подарки данью, а отвѣтные дары — государевымъ жалованіемъ, ибо нѣтъ на свѣтѣ такой земли, которая не признавала бы власти богдыхана: всѣ короли и императоры только его ставленники!

Это уже болѣзненная манія величія, возведенная въ политическій догматъ.

И китаицы объявили Спафарію, что отвѣтная грамота богдыхана будетъ

начинаться словами: «Отъ превысокаго престола пишемъ къ нижнему и смирному мѣсту».

Спафарій на это не согласился и предпочелъ вернуться въ Россію безъ всякаго отвѣта.

Нѣсколько большимъ почетомъ пользовался Измайловъ, посолъ Петра Великаго, слава котораго успѣла проникнуть даже и въ Китай.

Графу Рагузинскому, послу Екатерины II, не особенно повезло въ Пекинѣ: дары, поднесенные ему, состояли изъ бараньей шубы и плохой лошаденки, стоившей рублей пятнадцать.

При этомъ мандарины имѣли еще дерзость кричать: «Посолъ, прими лошада ханскаго жалованья, на которой можешь возвратиться!» Въ царствованіе императора Александра I графъ Головинъ хотѣлъ проѣхать въ Пекинъ; но русскому послу предложили предварительно сдѣлать маленькую репетицію и показать свое умѣнье ползать передъ богдыханомъ: не угодно ли пройти изъ четверенькахъ, неся на спинѣ подушку съ вѣтрительной грамотой.

Графъ Головинъ, конечно, отказался, и посольство не было допущено въ Пекинъ.

Съ теченіемъ времени европейскимъ посламъ было разрѣшено становиться только на одно колено въ то время, какъ мандарины падали ницъ передъ богдыханомъ.

Но тѣмъ не менѣе англійскій посолъ все еще именовался «чиновникомъ, привезшимъ дань», и получалъ аудіенцію въ одно время съ вассальными князьями Туркестана.

А въ 1795 году послы голландской торговой компаніи услышали слѣдующее напутствіе: «Пусть штатгальтеръ приметъ мои дары, и пусть они вѣчно напоминаютъ ему о моихъ благодѣяніяхъ. Приказываю ему посвятить всѣ заботы своему государству и управлять народами со вниманіемъ и справедливостію».

Эти комедіи, наконецъ, надоѣли европейцамъ, сознавшимъ свою силу и слабость Китая.

И вотъ начались знаменитые переговоры съ нимъ французовъ и англичанъ подъ громъ такихъ усовершенствованныхъ пушекъ, какія Китаю еще тогда и не снились.

На такіе вѣскіе аргументы онъ ничего не могъ отвѣтить и сбавилъ тонъ.

Китайскія войска оказались никуда негодными, и побѣдоносные европейскіе отряды съ удивленіемъ узнали, что китаицы приковываютъ своихъ артиллеристовъ къ пушкамъ, а то иначе эти молодцы дадутъ тягу послѣ перваго же залпа.

Дѣлать нечего, Китай пошелъ на

уступки, допустил торговлю опиумом и согласился обходиться съ европейскими послами, какъ съ равными.

Тѣмъ не менѣе, китайское правительство старательно скрывало отъ народа свое поражение, и въ манифестахъ, обращенныхъ къ подданнымъ, богдыханъ говорилъ только о «взбунтовавшихся варварахъ, которыхъ надо истребить, ибо они неразумны, какъ скоты».

Это не помѣшало, однакоже, этимъ «скотамъ» обратить въ бѣгство 40.000-ную китайскую армию, хотя въ 1860 году французскій авангардъ состоялъ всего только изъ 600 человѣкъ.

Когда европейскія войска заняли Пекинъ, то китайское правительство пошло на уступки и заключило съ державами довольно унижительный договоръ.

Чтобы скрыть свой позоръ, мандарины распустили въ народъ слухъ, что «варвары» разбиты и изгоняются изъ страны.

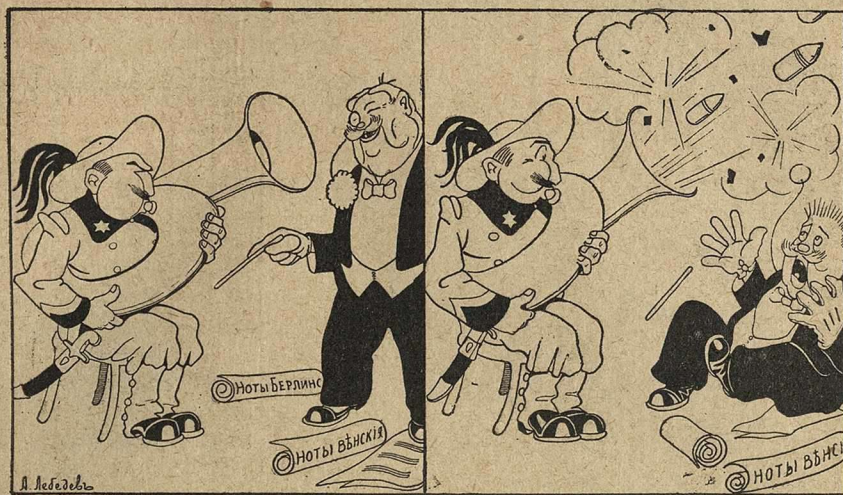
Дабы придать этому слуху вѣроятность, приказано было китайскимъ войскамъ стрѣлять изъ ружей и пушекъ въ то время, какъ побѣдоносныя европейскія войска, сдѣлавъ свое дѣло, удалялись изъ Пекина. Стрѣльба производилась, конечно, на такомъ разстояніи, что снаряды не могли причинить европейцамъ никакого вреда: надо было только на шумѣть и распространить слухъ о побѣдѣ.

Услышавъ эту пальбу, графъ Игнатъ-евъ, тоже покидавшій Пекинъ, вернулся обратно, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

Но ему отвѣтили, что китайскимъ войскамъ производится артиллерійское ученье.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НАРОДЪ.

(Къ войнѣ Итали съ Австро-Германіей).

Сказочка о томъ, какъ кн. Бюловъ говорилъ комплименты итальянцамъ, называя ихъ музыкальнымъ народомъ, сумѣющимъ найти вѣрный тонъ и взять нужныя ноты и о томъ, какъ дѣйствительно музыкальные итальянцы въ «нотахъ» великолѣпно разобрались и нужный тонъ нашли.

строение Шампани не сыграло съ ними очень плохой шутки.

Дѣло въ томъ, что почва Шампани мѣловая, и водонепроницаемая, нѣмецкія траншеи послѣ первыхъ же дождей превратились въ обширныя ванны, изъ которыхъ нѣмцы еле выбрались. Не одно нѣмецкое орудіе застряло въ этомъ болотѣ.

Война за 300 лѣтъ.

Въ теченіе послѣднихъ 300 лѣтъ, начиная съ 1618 по 1905 годъ, на земномъ шарѣ произошло 1,700 вооруженныхъ столкновений, изъ которыхъ на сушѣ 1,044, морскіе бои — 122, осады — 490 и капитуляціи — 44.

Изъ общей цифры сраженій наибольшее число падаетъ на Францію, а именно — 1,079 (652 на сушѣ, 63 на морѣ, 332 осады и 32 капитуляціи), что въ среднемъ даетъ 63 проц. На долю Австріи приходится 48 проц., Англіи — 20 проц., Россіи — 19 проц., Пруссіи 18 проц., Англіи—20 проц., Россіи—19 проц., Пруссіи 18 проц., Испаніи—16 проц., Турціи — 12 проц. и т. д.

Въ 1079 вооруженныхъ столкновений Франція одержала 584 побѣды и потерпѣла 495 поражений.

На долю Англіи и Пруссіи приходится по 60 проц. побѣдъ, Австріи — 42 проц. и Испаніи — 36 проц.

Начиная съ 1600 года, Франція сражалась съ арміями 15 государствъ, причемъ съ австрійскими войсками имѣла 262 вооруженныхъ столкновений, потерпѣвъ 196 неудачъ. При встрѣчѣ съ англійскими войсками французы одерживали верхъ 120 разъ и 1555 разъ были побѣждены Великобританіей. На долю побѣдъ французозъ надъ Испаніей падаетъ 119 при 45 неудачахъ. Съ Голландіей 93 при 63 неудачахъ.

Въ теченіе восьми войнъ между Франціей и Германіей, приведшихъ къ 307 вооруженнымъ столкновениямъ, французы одержали 152 побѣды.

Изъ крѣпостей, бывшихъ наибольшее время въ осадномъ положеніи, на первомъ мѣстѣ Гибралтаръ 1,167 дней, осажденный съ 1810 по 1812 годъ англичанами, на второмъ мѣстѣ Калинъ — 903 дня, осажденный англійско-испанской арміей, Севастополь сопротивлялся 3646 дней, Кандія, защищаемая 20,000 венеціанцевъ противъ 130,000 турокъ, продержалась 228 дней; Портъ - Артуръ — 221 день и Плевна — 142 дня.

ТРАНШЕЙ-ВАНЫ.

Французскія газеты пытаются объяснить, какимъ образомъ союзнымъ войскамъ удалось принудить къ отступленію врага, возведшаго такіе грозные окопы и укрѣпленія, какъ это сдѣлали нѣмцы въ Шампани.

Чтобы понять это, необходимо вспомнить объ особенномъ характерѣ мѣстности въ районѣ департаментовъ Объ, Марны и Верхней Марны.

Въ началѣ битвы на рѣкѣ Энъ союзные солдаты поражены были характеромъ сраженія. Осыпаемые снарядами, они, однако, нигдѣ не могли замѣтить нѣмцевъ. А эти послѣдніе, какъ оказалось, прятались въ траншеяхъ, устроенныхъ съ такимъ мастерствомъ, что даже комфортомъ, что они могли бы въ нихъ долго держаться, еслибы геологическое

ФРАНЦЪ: «Ну, генераль, какъ наши дѣла на войнѣ?!

ГЕНЕРАЛЬ: «Ваш-ство! Войну можно считать законченной! Часть нашихъ побѣдоносныхъ войскъ заняли Россію, остальные возвращаются въ Вѣну!

▽▽▽

Требуйте у всехъ газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор.

„20-й ВѢКЪ“ РАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ И РИСУНКИ
ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ
 Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.